

The background is a dark blue gradient. A grid of small, light blue dots is visible, curving and receding into the distance, creating a sense of depth. A bright, diagonal streak of light, composed of many fine, parallel lines, cuts across the lower half of the image from the bottom left towards the center right.

Благо

Геннадий Васильевич
Головко

Геннадий Головкин

Благо

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Головко Г. В.

Благо / Г. В. Головко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Все мы грешны и все смертны. Полноценна ли наша жизнь? А может, есть время еще все исправить?...

И снова очередной перелет. Очередной аэропорт, очередной самолет, рой гудящей толпы, несущейся в разные стороны. Внешне очень сильно напоминает хаос, если только не взглянуть со стороны и удивиться, увидев себя любимого его неотъемлемой частичкой. Оказывается, у каждого есть свое направление, своя цель, а за масками лиц свой характер, мысли, чувства, короче, жизнь...

Усаживаюсь в кресло. Ты смотри, на сей раз место «А», у иллюминатора. С ногами, конечно, проблемы те же – по-прежнему, не влезают в положенное им пространство и настоятельно требуют бизнес-класс. Размечтались. Сидеть! На бизнес я для вас еще не заработал, так что, придется потерпеть несколько часов, скрючившись в экономе. Так, до вылета считанные минуты, а соседние кресла еще не заняты. С дрожью в душе начинаю мечтать об одиночестве на своем ряду. Да нет, быть такого не может. В последний момент в проходе появится какая-нибудь потная красная тетя с огромным чемоданом и, с трудом протискивая свою жирную массу сквозь узкий проход самолета, с грохотом водружится на соседнее кресло, обдав меня тяжелой волной горячего липкого пота, наполнив ореол вокруг себя плотным жиробразным желтоватым ореолом. Внимательно и с надеждой всматриваюсь во вход. Не та, не тот. Мужичок... Вот зараза! Прямоком ко не. Фу, слава богу, на крайнее от меня место. Стюардесса прохрипела в микрофон что-то про двери. Значит, все, живем! Правой ногой повезло. Ну, вытягиваемся... Хорошо-то как! Вот теперь можно и вздремнуть. Глаза закрываются под усиливающийся гул турбин, сознание мутится, все уже как в тумане. Голос командира с информацией о высоте, длине и прочих достоинствах самолета и аэрофлота кажется уже еле различимой молитвой муллы в мечети.

Где я? Ааааа, ну да, в самолете. За окном ослепительное голубое небо и ватный ковер кучерявых облаков. Ба! Как же я не заметил? Справа от меня, забившись в угол кресла и поджав ножки, сидел сухой старичок. Ой, как неудобно! Я быстренько втянул в себя свои длинные кегли, дабы старичок смог сесть по-человечески. Однако, как мне показалось, он даже не обратил на это внимания и продолжал сидеть в той же позе, уставившись в одну точку, как неживой. Внешность деда была, мягко говоря, несколько необычной. Одет он был во все льняное, белое. Расписная у ворота рубаха-косоворотка, белые широкие льняные брюки, на ногах сандалии, выдавшие виды. Сверху чистенький белый перемятый пиджачок. Но самое интересное было в его облике. Да нет, даже, правильнее было бы сказать, лике. Это действительно был ЛИК! Сухое, вытянутое лицо, немного крючковатый нос и ярко голубые глаза! Такое впечатление, что именно с его лица писал свои незабвенные русские портреты Константин Васильев! Абсолютно белые, но тщательно расчесанные волосы и борода придавали ему вид какого-то небожителя, либо человека, обитающего где-то глубоко в чаще, нелюдимого старовера. Сосед с краю самозабвенно режет в какую-то стрелялку в планшете. Гул мотора был монотонным и успокаивающим. Опять захотелось спать. В это время, как всегда, и как назло стюардессы, гремя старым страшным ящиком с едой, принялись раскидывать несъедобные булки с сыром несчастным пассажирам, издавая при этом кричащие звуки чаек: «Для вас! А для вас? А вот для вас!» Да и улыбки их были хищными, как у альбатросов перед атакой. Все равно, разбудят своим гоготанием, – подумал я и принялся искать средство против сна. Игрушки надоели, рекламный журнал, затертый до дыр, я уже знал наизусть, читать «Коммерсант» – себе дороже, засну через секунду. Я заерзал в кресле, пытаюсь придумать достойное занятие до начала трапезы, но найти его не смог. В иллюминаторе по-прежнему, картина из облаков не менялась, вокруг не происходило ничего интересного, чтобы могло меня занять хотя бы на некоторое время. Я безнадежно и осторожно взглянул на старичка, в глубине души, рассчитывая на него, как на временного собеседника. Наверняка и говорить-то с ним не о чем! Если он, конечно, вообще говорить умеет. Старичок заерзал под моим взглядом и, как-то обиженно мельком взглянул на меня. На секунду мне показалось, что он прочел мои мысли, и мне стало жутко стыдно. Я как-то неуклюже смутился и, набравшись смелости, решил заговорить первый.

– Далеко летите?, – и тут же понял, какую глупость я спорол. Ну, конечно, туда же, куда и я! Хотя, может, и дальше...

– Дык туда ж, куда и ты, внучок, – голос старичка был добрым и вкрадчивым. Глаза смотрели как-то очень тепло и по-отечески.

– Аааа, ну да... – я точно попал в идиотское положение. – Я просто подумал, может, дальше, с пересадкой, – проямлил я и понял, что разговора, скорее всего, не состоится.

– А ты, значит, в отпуск? Али в командировку? – выручил меня старичок и мы, наконец-то разговорились. Как всегда, в полете, разговор был ни о чем. В основном, о жизни своей и своих близких, погоде, замучивших дождях и американских санкциях. Раскидали булки и невкусный чай с кончившимся лимоном, т.е., без него. Но, как известно, аппетит приходит во время еды, и мы накинулись на это несъедобное недоразумение, словно на кусок хорошего стейка, проглотив его, даже не почувствовав вкуса. Да, скорее всего, его и не было. Пока желудок делал тщетные попытки переварить деревянную булку, сон не шел. И, пока шла борьба в организме, мы, не сговариваясь, снова повернулись друг к другу для продолжения беседы. Дедок был, на удивление, грамотным и весьма прелюбопытным собеседником. Разговор медленно и незаметно для нас перешел в высшие жизненные сферы. Мы затронули тему благочестия, исполнения божественных заповедей и проч. Вопрос о вреде и пользе пищи, алкоголя и папирос оказался весьма актуальным.

– По-моему, человек в этой жизни должен испытать все. Ну, по крайней мер, к этому стремиться. – Я всегда был сторонником этой жизненной тории.

– Так-то оно так, – прокряхтел старик, – да вот только откуда ж тебе знать, где какая и чему мера? А вот подысь ты есть способен без меры, а ли пить? Что ж с тобой станет через пару лет, коли меры не знать?

– Так надо меру знать во всем, – я попытался удержать позиции.

– А ты-то, ты-то сам всегда меры придержишься? В меру ешь, пьешь? Не объедаешься и не напиваешься? Ай, не лги! Вижу, вижу, всякое бывало!?

– Нуууу, бывало, конечно. По молодости. Сейчас, вроде, нет. Ну, по крайней мере, я стараюсь. А меру знаю точно!

– Меру-то знаешь, а сам-то ее не соблюдаешь?! – старичок заразительно и тихо расхохотался. – А живот-то откуда? Кашляешь вот. И это твоя мера?

– Ну, я, конечно, не идеален, но, если сравнить с некоторыми другими – вполне еще ничего!

– И ты-то сам в это веришь? Да брось ты, внучок! Небось, завидуешь мужикам без момона, одышки и с мускулатурой?

Я заерзал в кресле. – Ну, есть немного. Так я нагоню. Какие мои годы?

Старик еще пуще зашелся от смеха, держась за живот. – Ой, уморил! Да вот такие твои годы и есть. Уж немалые. Это, конечно, хорошо, что ты собираешься хоть сейчас заняться собой, да вот только процесс этот будет тяжелый и затяжной. Конечно, терпение и труд все перетрут, но, если, конечно, у тебя их будет в достатке. Ох, и не легко это!

– Так что ж делать? Оставаться таким, как есть или, все-таки, попытаться поменяться ... ну, в лучшую сторону?

– Меняться к лучшему никогда не поздно. И господь это оценит.

– Ну да, всю жизнь пить, курить, безобразничать там, вы еще скажите, в тюрьме отсидеть, а господь все это проглотит, да еще и по головке погладит?

– Господь милостив.

– Ну не до такой же степени? Нельзя же, чтобы все твои грехи прошли безнаказанно?

– Конечно, нет. И не пройдут. И ты это почувствуешь. Наказание, раскаяние, легкость от осознания исправления. У благодати нет сроков и нет опозданий. Вот послушай, какую историю я тебе расскажу.

Жил-был один человек. Хороший человек, без камня за пазухой. Художник, музыкант, талант, в общем. Ну, разумеется, как все творческие талантливые люди, был он не от мира сего, все в небесах витал, искал свою музу и свое место в творчестве. Ох, сколько муз он перепробовал! Да все не те! Нету нужного вдохновения, хоть ты тресни! И стала его одолевать тоска, зеленая такая, на змия похожа. И приходила она к нему в образе друзей его мнимых, полных неудачников, тоже называющих себя художниками, да музыкантами. А на самом деле, обычных пьянчуг, пытавшихся примазаться к Духовному. И стал он походить на собутыльников своих. А откуда ж, скажи мне на милость, вдохновение да муки творчества, когда по утрам муки только головные, да душевные. И в голове один вопрос – где взять выпивку? Так и жил, тужил, пьянствовал да гулял. Трезвовал порой, конечно. Вот, видимо, в подобный период просветления и удалось ему жениться. Девушка попалась хорошая, симпатичная, скромная. Угроздило ж ее влюбиться в такого непутевого! Так и не мудрено – парень-то он был хоть куда, высокий, красивый, волосы длинные, вьются. Улыбка красивая, до ушей, открытая. Сам веселый, на гитаре да на банджо играет. Короче, нравятся такие девчонкам молодым. Вот и зажили они вместе. Не сажу, что уж больно хорошо, но и не шибко худо. В скорости родились у них детишки – мальчик и девочка. Вот тут-то нашего красавца и понесло! Опять запой, дома ругань. Мать с отцом тоже прибавляли масла в огонь – жили-то они все вместе. Частенько и домой-то не доходил – в бурьяне перед домом ночевал. А раз привел домой целый цыганский табор. Жена вернулась с работы (родители тогда уж жили отдельно). Батюшки! Это что ж такое?! В комнатах детишек полным-полно. И все мал-мала. На кухне две цыганки варят какое-то жутко пахнущее зелье. В ванной полощется чье-то тело, кряхтя и брызгаясь остатками шампуня. Короче, полнейший ужас! Оказывается, пожалел он их, одиноко стоящих на автобусной остановке, вот и пригласил домой – поесть, да помыться. Даааа. Вот и суди теперь человека. Вроде бы поступок и хороший, человеческий, добрый, а с другой стороны – цыгане, куча, да и у тебя дома! Это же хуже пожара! Вот как бы ты на его месте поступил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.